

Гоча Алёшович

Трудности перевода

Гоча Пасиешвили
Трудности перевода

«Автор»

2026

Пасиешвили Г. А.

Трудности перевода / Г. А. Пасиешвили — «Автор», 2026

«Трудности перевода» это роман о том, как двое людей из разных миров пытаются понять друг друга. Это история о том, что любовь требует не только умения говорить, но и смелости услышать, а иногда самый громкий крик о помощи звучит как тишина. Смогут ли они стать переводчиками друг для друга? Научится ли писатель говорить то, что чувствует, а художница — слышать то, что не сказано? «Трудности перевода» — это пронзительная история о поиске общего языка там, где слова кажутся бессильными.

© Пасиешвили Г. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Алексей	5
Глава 2. Алиса	7
Глава 3. Точка пересечения	8
Глава 4. Медовый месяц	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Гоча Алёшович

Трудности перевода

Глава 1. Алексей

Звук кофе машины, был единственным, что нарушало тишину в доме Алексея недалеко от железнодорожной станции Белгород-Сумской. Он любил этот дом за предсказуемость: половицы скрипели в одних и тех же местах, краны капали строго по расписанию, а за окнами кабинета всегда был один и тот же вид на голубое небо и мокрые ветки старого клёна.

Алексей налил себе вторую чашку, чёрную и крепкую, и уставился в мерцающий экран. Курсор моргал на чистой странице. Роман застрял на середине. Герои сговорились против него, а сюжетные повороты, ещё вчера казавшиеся гениальными, сегодня выглядели уныло.

«Опять», — подумал он с привычной тоской.

Ему было около сорока, и эта цифра ощущалась как состояние застоя. Дни были пугающе похожи друг на друга. Ритуал: утренний кофе, попытка работать до обеда, прогулка через парк. Он ненавидел шумные места, предпочитая тишину собственных мыслей. Его культурный код сформировался в девяностые: надрыв русского рока, тонкие сборники Довлатова. Сегодня в наушниках играли «Смысловые галлюцинации», на столе лежал потрёпанный томик, перечитываемый в сотый раз. Алексею нравилась та эстетика, честная, грустная, не терпящая фальши.

Он взглянул на часы. Одиннадцать. Можно сдать. Закрывать ноутбук, надеть кожаную куртку и пройти привычный маршрут. Предсказуемость была его валютой, его убежищем.

Заходя в любимую кофейню, он машинально кивал бариста, который уже знал его заказ. Алексей был человеком действия, но действия тихого, почти незаметного. Он не умел говорить красиво, но мог приготовить идеальный ужин, молча сделать чай или просто сидеть рядом, не требуя слов.

Однако сегодня вечером нужно было идти в «Комод», новомодную книжную лавку, где выступал его старый друг. Он ненавидел это место за пафосную прогрессивность, но обещал прийти. Покидать зону комфорта было мучительно.

Алексей медленно брёл по вечернему городу, погружённый в мысли о неудавшейся сцене, о том, как глупо чувствовать себя уставшим в сорок лет. Свет фонарей лился на лужи, в голове звучал ровный, спокойный голос, комментирующий происходящее. Он шёл по инерции, не замечая витрин, пока не оказался у дверей «Комода».

Внутри было как обычно шумно и тесно. Пахло кофе, книжными обложками и духами. Алексей поморщился. Он уже пробирался к столику, после того как заказал тот самый американо, когда произошло то, что выбило его из колеи.

Сначала он почувствовал удар в грудь, потом почувствовал тёплый и влажный кофе на своём теле. Затем девичий голос, полный отчаяния:

— О, боже! Простите! Я такая неуклюжая!

Он опустил взгляд на свою старую любимую рубашку, на которой расплывалось огромное бежевое пятно. Кофе стекал по ткани, капая на пол. Привычное раздражение на вторжение в его упорядоченный мир уже закипало, но, подняв глаза и встретившись с испуганным взглядом девушки, он вдруг остановился. Что-то щёлкнуло. Вместо того чтобы нахмуриться, он ещё раз посмотрел на пятно, потом на неё и усмехнулся.

— Ну, хоть не на книгу. А в целом... смотрите, какая текстура. Довольно интересно. Джексон Поллок, серия «Кофейные пятна» или что-то в этом роде.

Она, кажется, не сразу поняла, шутит он или серьёзно, но на её лице отразилось облегчение, смешанное с удивлением. А Алексей почувствовал странное возбуждение. Где-то глубоко

внутри, в той части, что отвечала за писательский дар, разгорелась искра. В этой неловкой встрече, в ошеломляющей разнице между его миром и миром этой девушки, он вдруг уловил начало новой главы. Настоящей.

Глава 2. Алиса

Мир Алисы существовал в высоком разрешении экрана её смартфона. Он был ярким, динамичным и требовал постоянного внимания. Утро начиналось не с будильника, а с вибрации уведомлений: лайки, комментарии, новые сторис. Её квартира в микрорайоне Парковый была физическим воплощением этого цифрового хаоса: стены, выкрашенные в холодный серый, служили фоном для буйства красок, постеры инди-групп, скетчи на крафтовой бумаге, гирлянды с тёплым жёлтым светом, горевшие даже днём.

Жизнь Алисы была калейдоскопом. Она училась в Институте искусств, но настоящая учёба происходила за его стенами: спонтанные наброски углём на салфетках, ночные джемы с друзьями-музыкантами, бесконечные обсуждения сериалов. Её плейлист ВКонтакте состоял из треков «на репите», а язык общения с друзьями был соткан из мемов.

Ей было двадцать два, и она жила в режиме «лайв». Каждый момент должен быть запечатлён, отфильтрован и представлен миру. Лайки были валютой, комплименты - кислородом. Ей жизненно необходимо было слышать «Ты гений!» после каждого удачного мазка. Маленькие сюрпризы типа смешная открытка или просто так принесённый букет ромашек, значили больше, чем дорогой подарок. Это было доказательство, что её видят, понимают и ею восхищаются.

Сегодняшний день не задался. Проспала первую пару, получила сухой комментарий от преподавателя: «Слишком декоративно, ищи суть». Настроение упало ниже уровня плинтуса. Ей срочно требовалась доза дофамина и человеческого тепла. Единственным местом в Белгороде, где эти две вещи смешивали в правильной пропорции, был «Комод».

Она влетела туда на всех парах, уже набирая сообщение подруге. В одной руке чашка с раф-кофе (сладкий, ванильный), в другой телефон. Она не смотрела по сторонам. Мир сузился до светящегося прямоугольника.

— Бам!!!

Чашка ударилась о чью-то твёрдую грудь. Горячая жидкость выплеснулась, обдав брызгами тёмно-синюю рубашку.

— О, боже! Простите! Я такая неуклюжая! — воскликнула Алиса, поднимая глаза и готовясь к гневной тираде.

Она подняла глаза, перед ней стоял мужчина. В его глазах не было злости, только странный исследовательский интерес к ней и пятну. А потом он усмехнулся.

— Ну, хоть не на книгу. А в целом... смотрите, какая текстура. Джексон Поллок, серия «Кофейные пятна».

Алиса моргнула. Она не знала никакого Поллока, но фраза была такой неожиданной, что напряжение отпустило. Она улыбнулась в ответ. Он был старше лет на двадцать, одет просто, но одежда явно дорогая. В его взгляде читалась усталость, смешанная с внезапным любопытством. Он смотрел на неё так, словно она была чем-то более сложным, чем просто неуклюжая девчонка.

Она почувствовала странное волнение, совсем не то, что она чувствовала от своих сверстников. Что-то новое, реальное и немного пугающее.

Глава 3. Точка пересечения

«Комод» гудел привычной жизнью: звон чашек, негромкая музыка, шелест страниц. Полки были уставлены книгами, а Алексей терпеть не мог такие заведения, считая их пародией на настоящие книжные лавки, но друг выступал с четкой, и нарушать обещания он не привык.

Девушка заморгала, но интонация, лёгкость, с которой он отреагировал, явно её обрадовала. Облегчение перешло в улыбку — непосредственную, яркую, контрастную с его выверенным миром.

— Вы серьёзно? — спросила она. — Не злитесь?

— На искусство? Никогда.

Она рассмеялась — звонко, искренне.

— Это самый странный комплимент, который мне делали видя мои работы. Я Алиса. Давайте я куплю вам кофе.

— Я уже заказал. И мой кофе без молока. Будьте осторожны, моя рубашка не выдержит второго шедевра.

Они подошли к бариста. Алексей забрал свой американо, Алиса — очередной раф. Она снова поднесла телефон к лицу, но при этом продолжала смотреть на него с живым интересом.

— Кто вы по профессии? — спросила она вдруг. — У вас такой вид... задумчивый и много обаяния.

Он с трудом сдержал улыбку.

— Я Алексей и я писатель. И вы знаете... вы сейчас очень похожи на героиню моего нового романа.

— Правда? Она тоже проливает кофе и её зовут Алиса?

— Нет. Она просто... другая. Живёт в мире, который я не понимаю. И это меня одновременно раздражает и притягивает.

Алиса вскинула брови.

— Это что-то вроде параллельных вселенных?

— Возможно. Я люблю тишину и порядок. А вы, судя по всему, хаос и приключения.

— Это не хаос, — возразила она. — Это жизнь. Сегодня был ужасный день, а теперь я стою здесь, общаюсь с писателем, который сравнивает кофейные пятна с каким-то Поллоком, и думаю, что это самый странный мой вечер.

Алексей почувствовал, как его внутренний мир переворачивается. Разница потенциалов между ними создавала электричество. И он это чувствовал.

— А вы рисуете или пишете? — спросил он, заметив тюбики краски в её сумке.

— Ого, вы внимательный. Да, я учусь в Институте искусств. Но я скорее про современное искусство, цифра, инсталляции. Это не про текстуру кофейных пятен.

— Жаль. А я как раз подумал, что это отличный концепт.

Они смотрели друг на друга, улыбаясь. Кто-то толкнул её локтем, она потеряла равновесие, и он инстинктивно поддержал её, плечо под его ладонью было тёплым, живым.

— Спасибо, — сказала она, и в этом слове было столько благодарности, что Алексей понял: он не хочет возвращаться в свой тихий дом.

— Может быть, покажете мне свой мир? Хотя бы расскажете, почему ваш мир вас так зацепил?

Она посмотрела так, будто он предложил ей лететь на Луну.

— Вы серьёзно? Вы же писатель старой школы, вы ненавидите всё это.

— Не знаю, — честно признался он. — Но попробовать стоит.

Алиса улыбнулась и в этой улыбке он увидел начало главы, которую ещё предстояло написать.

Глава 4. Медовый месяц

Мир Алисы был текучим, как акварель, и таким же непредсказуемым. У неё не было плана, и предложение Алексея она восприняла как приглашение к экспромту.

— Хорошо, — сказала она, убирая телефон. — Но у вас будет культурный шок.

Они вышли из «Комода» в прохладный вечер. Город разделился на два измерения. Алексей видел геометрию проспектов и фонарей, Алиса вела его по невидимой карте.

— Смотри, — остановилась она у кирпичной стены с нарисованным чёрным баллончиком котом. — Это Бублик. Местный стрит-арт.

Алексей вежливо кивнул, хотя слово «вандализм» крутилось на языке.

— Не врите, — толкнула она его в плечо. — Я же вижу ваш взгляд. «Как можно портить историческую кладку». Но это же искусство! Оно должно быть живым!

Её энергия была через край. Он поймал себя на мысли, что не может отвести от неё глаз.

Они свернули в тёмный двор.

— А теперь закройте глаза, — скомандовала она.

— Алиса...

— Вы мне доверяете?

Он подчинился. Её пальцы взяли его за руку. Она вела его в темноту, и это было странно: он привык к одиночеству, а сейчас добровольно шёл за девушкой, которую знал меньше часа.

— Стоп. Открывайте.

Они стояли под аркой, а над ними, на уровне третьего этажа, горело одно окно. Из него на стену падал сноп тёплого света, выхватывая из темноты кружащийся снег.

— Это инсталляция света и тени, — прошептала она. — Мимолётная. Её не сфотографируешь. Нужно просто быть здесь и сейчас.

Они прошли Соборную площадь и уселись на лавочку.

— Смотри, — она развернула к нему экран. — Это новая работа. Она называется «Эпоха тишины». Просто куча старых телевизоров, сваленных в пирамиду. Ни один не работает. Они просто... молчат.

Алексей прищурился, глядя на фотографию. В сумерках экраны казались чёрными зеркалами.

— И в чём здесь искусство? — спросил он, — Это просто хлам. Любой может собрать старые телевизоры на помойке.

Алиса резко отодвинула планшет и посмотрела на него с возмущением.

— Алексей, ну как вы не понимаешь? Это же метафора!

— Это не метафора, а констатация факта, — упрямо возразил Алексей. — Телевизоры сломались. Их выбросили. Это бытовая зарисовка, а не искусство. Искусство требует мастерства. Вот и он указал на драмтеатр, подсвеченный последними лучами солнца.

— Вот это искусство. Идеальные пропорции, гармония, вековая история в каждом камне.

— Это мёртвое искусство! — Алиса всплеснула руками. — Оно застыло в прошлом! Оно висит в музее за бархатным канатом с табличкой «Руками не трогать». А это... оно живое! Оно провоцирует! Ты подходишь к этой пирамиде и чувствуешь эту пустоту. Ты можешь её обойти, пнуть ногой! Это перформанс, это взаимодействие со зрителем!

— Взаимодействие со зрителем? — Алексей усмехнулся. — Зритель подходит, смотрит на кучу мусора и думает: «Какой идиот додумался притащить сюда этот хлам?». Это не взаимодействие, а недоумение.

— Вы просто сноб! — вспыхнула Алиса. — Вы считаешь, что если я не могу нарисовать гипсовую голову Давида с закрытыми глазами, то я бездарность! Но искусство меняется! Оно больше не про то, чтобы идеально скопировать реальность! Оно про идею! Про эмоцию!

— А для тебя всё классическое искусство — это пыльный склеп! — парировал он.

Они замолчали. Ветер трепал волосы Алисы. Алексей смотрел на неё: на её упрямо сжатые губы, на горящие глаза. Он видел не просто упрямую девчонку. Он видел её страсть. Её преданность своему делу.

Он вздохнул.

— Ладно. Допустим... я не понимаю эту пирамиду из телевизоров. Но я хочу понять *тебя*. Объясни мне так, чтобы я понял не искусство, а то, почему оно важно для тебя.

Алиса удивлённо моргнула. Обида начала таять. — Ты... правда хочешь? Она впервые с ним перешла на ты.

— Я же писатель — он слабо улыбнулся и взял её за руку. — А писатель это творец человеческих душ. Я и хочу понять твою душу.

Алиса улыбнулась в ответ и придвинулась ближе, положив голову ему на плечо. — Хорошо... Слушай...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.